

ИЗ ИСТОРИИ БУДДИЗМА В КИТАЕ: НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ ФОНДА РЕДКИХ ИЗДАНИЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Курьянова Екатерина Николаевна,
*студентка первого курса,
 направление подготовки
 «Зарубежное
 регионоведение: Китай»
 ВИ-ШРМИ ДВФУ*

Буддизм – самая древняя мировая религия. К моменту развития христианства буддизм уже получил всеобщее признание в Индии и начал стремительно распространяться по всей Азии. В VII в. н.э. «буддизм уже был господствующей религией в большинстве азиатских стран» [5, с. 3]. А. Н. Кочетов на основе исследований английского учёного Дж. Дэвида в своей книге «Буддизм» приводит следующие данные относительно верующих всего мира: к началу XX века приверженцы буддизма составляли 40%, число христиан – 26%, мусульман – 12,5% [цит. по: 5, с. 3]. Точная дата проникновения буддизма в Китай неизвестна, но А. Н. Кочетов имеет основания предполагать, что уже в I веке до н. э. буддизм был занесен кочевыми племенами и индийскими торговцами в Синьцзян – Уйгурский автономный район.

До I в. н.э. двумя основополагающими религиями Китая были даосизм и конфуцианство. Впервые буддизм появился в Китае в I в. н. э. в виде хинаяны, однако надолго не прижился. Второй раз буддизм проник в Китай в форме махаяны (санскр. «Широкая колесница или «Широкий путь спасения»), в начале V в., и с тех пор, несмотря на гонения и преследования, которым временами подвергались буддистские монахи со стороны правительства, буддизм укоренился в Китае и занял положение

третьей равноправной религии. В будущем на основе махаяны в Китае сложилась основная буддийская школа – Дзэн. «Хотя корнями Дзэн уходит в Индию, возник он в Китае» [3, с. 73]. Данная школа практикует медитацию в позе лотоса, а также использует коаны (вопросы идеологии, которые помогают достигать просветления – сатори) [3, с. 5]. Однако важнейшей ролью в махаяне считается не личное спасение монаха, вставшего на путь просветления, а активное влияние монаха на верующих.

Аристократы являлись приверженцами конфуцианства и первое время воспринимали буддизм как варварство. Однако социальная обстановка Китая требовала новых религиозных идей, поэтому буддизм весьма быстро «прижился» в Китае, так как данная религия в основном была направлена на бедную часть населения. Начали проводиться сравнения буддизма с даосизмом и конфуцианством, таким образом, идеология буддизма дошла и до умов знатной части населения и крепко осела в Китае. Вскоре первый император династии Вэй (VI в.) объявил буддизм государственной религией.

Как отмечает А. Н. Кочетов, буддизм очень сильно повлиял на образ жизни китайцев, мировоззрение и искусство. Теперь жизнь сельского населения была крепко связана с монастырями. В будние дни монастырь играл роль школы, а в праздники становился местом сбора людей. Монахи, ранее подвергавшиеся гонениям, стали главными советниками во всех сферах жизни, а также заслужили высокий авторитет и признание среди местного населения. В более крупных поселениях монастыри и храмы выполняли гораздо больше функций: они осуществляли

ростовщическую, культурную, торговую, религиозную, экономическую и другие виды деятельности. В своей статье Э. П. Стужина ссылается на мнение Сан Бо-люя, учёного старой школы китайских историков, который порицал занятия ростовщичеством в храмах и приравнивал их к таким нарушениям, как пьянство [2, с. 277]. Многие городские монастыри и храмы были смешанными, то есть они являлись площадками для разных культур и религий – буддизма, даосизма, конфуцианства и даже мелких местных верований. В подтверждение этому Э. П. Стужина приводит примеры из китайских источников, один из них: «... в «Дунцин мэнхуа лу» при описаниях торговли в буддийском храме Сянгосы неоднократно упоминаются даосы, занимающиеся там алхимией, гаданиями, торговлей книгами» [2, с. 276]. Также Э. П. Стужиной в 1959 году в Сучжоу удалось увидеть храм, где в одном из его помещений одновременно жили буддисты и даосы, а их богослужения проходили по очереди. Такая особенность китайских храмов позволяла духовенству собирать большое количество верующих, независимо от того, к какой вере они принадлежали.

Э. П. Стужина на примере самого крупного на тот момент монастыря Сянгосы дает очень подробное описание функций храмов раннего буддизма в Китае. В период царствования империи Сун (960–1279) монастырь Сянгосы использовался для самых разнообразных целей. Императоры и аристократы приносили здесь жертвы богам, совершали моления о дожде и снеге, просили здоровья для императора в случае болезни и удачи в случае приезда иностранных послов. «Превратившись в храм императорской семьи и высшей знати, Сянгосы в сунское время стал центром распространения буддизма. В нём концентрировалась буддийская каноническая литература, привезенная монахами из сопредельных стран» [2, с. 278]. Более того, Сянгосы был местом императорских трапез и приемов, здесь также проводились экзамены и утверждались должности чиновников. Сюда приезжали чиновники, ученые, поэты и остальная знать, чтобы отведать вина и послушать музыку,

испробовать всевозможные светские развлечения, купить книги и драгоценности, отметить день рождения или отпраздновать какое-либо важное событие. На территории Сянгосы действовали цирк, опера, теневой театр, здесь устраивались зрелищные представления, выступали обычные рассказчики. В то же время монастырь играл роль крепости и имел такие размеры, которые позволяли вместить всех горожан в случае угрозы опасности [2].

Академик В. А. Обручев в своей книге «От Кяхты до Кульджи» делится своими впечатлениями об ужине в одном бедном китайском буддийском монастыре: «Молящиеся начали выходить, а в храм, к моему изумлению, принесли ужин. Послушники внесли со двора большие глиняные кувшины и доски с нарезанной на куски бараниной; каждый из лам вытащил из-за пазухи свою чашку, достал из футляра, подвешенного к поясу, монгольский нож и костяные палочки... скамеечки под сидевшими ламами превратились в столики для еды» [6, с. 156]. Владимир Афанасьевич был крайне удивлён тем, как бедный буддийский монастырь существовал за счёт местного населения, поэтому, не дождавшись завершения ужина и не оставив пожертвований, он покинул храм, несмотря на возобновившиеся жалобы лам о бедности их храма.

Дискуссия между буддизмом и конфуцианством, казалось бы, давно уже была прекращена, однако конфуцианство, немного вырываясь вперед, тут же подавляло буддизм. Китайский государственный деятель Оуян Сю довольно четко сформулировал позицию конфуцианства по отношению к буддизму: «Буддизм – это большое бедствие для Китая» [2, с. 307]. Тем не менее, буддийское учение не противоречило государственным законам, оно так же, как и конфуцианство, «учит людей добру... и даже сам Конфуций отзывался о нём с похвалой». Лю Цзун-юань, знаменитый конфуцианский учёный, считал, что буддизм учит людей добру, является вспомогательным средством в деле управления, и поэтому может функционировать наравне с конфуцианством.

А. С. Мартынов в своей статье «Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин» обращает внимание на то, что в первые годы минской династии «верхи очень благоволили буддизму» [2, с. 308], несмотря на то, что конфуцианство снова стало наиболее предпочтительным. Первый император династии Мин Чжу Юаньчжан издал ряд указов, ущемлявших интересы буддистов. В начале 1372 г. были закрыты крупные религиозные академии, началась регистрация всех буддийских монахов, после которой только с помощью специального удостоверения монахам разрешалось носить сан. В источнике «Мин хуй яо» (Пекин, 1956, т. 1) приводится следующее объяснение: «Император, считая, что буддийских и даосских монахов день ото дня становится всё больше и что они истощают материальные богатства и разоряют народ, не пожелал, чтобы их было чрезмерно много». Далее последовал указ, по которому в каждой области, округе или уезде не разрешалось иметь более одного крупного буддийского храма. В результате число монахов значительно сократилось – с 96 тысяч до 20 тысяч [цит. по : 1, с. 162]. «Буддизм выжил, сохранил сравнительно большое влияние не только среди масс, но и в просвещенных кругах, получив полуофициальное признание на сосуществование с ортодоксальным учением» [2, с. 309]. Иногда буддизм играл важную роль даже в политических и социальных сферах, становясь неким вспомогательным средством по устранению беспорядков. Как, например, в эпоху династии Юань, когда в случае бунтов из столицы посылали монахов с особым императорским указом для предотвращения конфликта.

Основываясь на источниках из читального зала редких изданий, можно сделать вывод, что Китай – это место, где Дзэн достиг высокого духовного и культурного подъёма, а также сформировал типично китайский буддизм, несколько

отличающийся от основополагающего индийского. К особенностям китайского дзэн-буддизма исследуемые авторы относят наличие даосской мудрости, а также ярко выраженные веяния индийской махаяны, которые спустя длительный срок всё же смогли значительно повлиять на культуру и мировоззрение китайцев.

Список литературы

1. Бокщанин, А. А. Политика первых императоров из династии Мин в отношении буддизма и даосизма / А. А. Бокщанин // Общество и государство в Китае : тезисы и доклады восьмой научной конференции / АН СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. А. Н. Хохлов]. – М. : Наука, 1977. – С. 160–171.
2. Васильев, В. П. История и культура Китая / В. П. Васильев. – М. : Наука, 1974. – 479 с.
3. Дюмулен, Г. История дзэн-буддизма. Индия и Китай / Г. Дюмулен. – СПб. : ОРИС, 1994. – 336 с.
4. Кочетов, А. Н. Буддизм / А. Н. Кочетов. – М. : Изд-во политической литературы, 1968. – 176 с.
5. Кочетов, А. Н. Буддизм / А. Н. Кочетов. – М. : Наука, 1965. – 200 с.
6. Обручев, В. А. От Кяхты до Кульджи / В. А. Обручев. – М. : Академия наук СССР, 1995. – 272 с.
7. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М.: Изд-во политической литературы, 1964. – 560 с.

